

Зажги фитиль лучины, брось в копну сена, а потом беги на запад — именно на запад, не на юг и не на восток. На западе есть сухой овраг, прыгните туда и залягте. Не поднимайте голов. Слышали?

Чэнь Анюй криво усмехнулся:

— Сестрица, не переживай. Семнадцать лет живу, а лучше всего умею делать ноги.

Он увлек людей за собой.

Лу Синвань стояла на городской стене, глядя, как вдалеке приближается зарево пожара.

Триста человек. Триста обезумевших от голода людей. Возможно, они не были профессиональными воинами, быть может, это просто толпа крестьян, оставшихся без куска хлеба, что схватили мотыги и тесаки. Но в конце династии Мин такие люди страшнее регулярной армии — потому что у них нет пути назад.

Свет факелов извивался в темноте подобно ползущей змее.

Всё ближе.

— Поджигайте, — произнесла Лу Синвань.

Кто-то на крепостной стене взмахнул флагом.

Вдалеке, среди деревьев, вспыхнуло несколько очагов пламени. Копны сена были заготовлены заранее — люди Чэнь Анюя действовали быстро и споро. Стоило лучине коснуться соломы, как она вспыхнула, северный ветер раздул языки пламени с гудящим звуком, и столбы дыма взмыли ввысь, словно серо-чёрная стена, надвигаясь на отряд мятежников.

В рядах бунтовщиков начался беспорядок.

Дым был слишком густым. Шдших впереди людей начало душить от гари, из глаз ручьями текли слёзы. Шдшие позади ничего не видели, толкались и пихались. Кто-то орал: "Бежим назад!", кто-то вопил: "В атаку!" — система управления рухнула всего за три секунды.

А затем, точно так, как и предсказывала Лу Синвань, они бросились на юг.

Подальше от дыма. Выбирая самое легкое направление.

А на юге лежала низина.

Они один за другим прыгнули в эту «чашу». Сначала несколько человек, потом целая толпа, а затем и подавно большинство.

Когда же они поняли, что низина со всех трех сторон окружена склонами, а на склонах стоят лучники — было уже поздно.

Лучники Цинь Ху занимали возвышенности на трех склонах, поливая врага дождем стрел.

В низине мгновенно воцарился хаос. Кто-то пытался карабкаться назад, но его сбивали те, кто пер сзади. Кто-то пытался бежать вбок, но лучники пригвоздили их к склонам. Кто-то визжал, кто-то рыдал...

Лу Синвань стояла на стене и наблюдала за всем этим.

Её руки дрожали.

Ей доводилось убивать куриц — под Новый год она помогала маме прижимать крылья птицы. Но убивать людей ей не приходилось. И теперь, глядя на низину внизу, на мечущихся в ливне стрел людей, на то, как кровь в лунном свете превращается в черную жидкость...

Её желудок скрутило.

Но она не закрыла глаза.

Профессиональная подготовка продукт-менеджера подсказывала ей: приняв решение, ты обязана смотреть на результат. Хороший он или плохой — смотреть нужно в оба. Без анализа результатов в следующий раз ничего не исправишь.

Соппротивление мятежников длилось около четверти часа.

А затем — последовал разгром.

Выжившие выбрались из западной части низины и, катясь и спотыкаясь, скрылись во тьме. Преследовать не стали. Цинь Ху сказал: "Загнанного зверя в тупик не гонят".

В низине остались лежать несколько десятков тел. И еще с полтора десятка раненых стонали впотьмах.

Первая битва за оборону префектуры Гуйдэ завершилась победой.

На городской стене раздались ликующие крики. Кто-то хлопал в ладоши, кто-то топал ногами,

кто-то подбросил в небо шлем. Молодой защитник города обнял соседа и подпрыгнул, чуть не свалившись вдвоем с крепостной стены.

Цинь Ху стоял у края башни, не разделяя общего ликования.

Он подошел к Лу Синвань.

Лу Синвань прислонилась к зубцу стены, ноги ее ослабели так, что она едва держалась на ногах. Лицо её в лунном свете казалось мертвенно-бледным, губы были плотно сжаты в ниточку.

Цинь Ху помолчал некоторое время, разглядывая её.

А затем произнес одну фразу. Никаких «девчонка», никаких «соплячка».

— Как тебя зовут?

Лу Синвань подняла голову.

— Лу Синвань.

Цинь Ху кивнул.

— Лу Синвань. Я запомнил.

Он развернулся и ушел. Сделав несколько шагов, на мгновение замер.

— Раненые в низине... что ты намерена с ними делать?

Лу Синвань задумалась.

— Отправь к ним лекаря Чэна, — ответила она. — Кого можно спасти — спаси. А кого нельзя... избавьте от мучений.

Цинь Ху ничего не ответил. Но когда он уходил, шаги его казались чуть более легкими, чем когда он шел сюда.

Лу Синвань осталась на стене одна.

Лунный свет заливал низину за пределами города. Пожар погас, дым развеялся, в ночном воздухе висел лишь легкий запах гари.

Она опустила взгляд на свои руки.

Они всё ещё дрожали.

* * *

На следующее утро после битвы Лу Синвань отправилась проверить потери.

Среди защитников города семеро были ранены, двое погибли.

Двое. Один по имени Чжоу Да, тридцати двух лет, ветеран, десять лет охранявший городские ворота. Второй — Сунь Сяолю, девятнадцати лет, набранный из беженцев лишь в прошлом месяце, у него даже доспехов не было.

Чжоу Да был зарублен мечом мятежников. В открытом бою мастерства не хватило. Сунь Сяолю постигла еще более горькая участь — его по ошибке ранила стрела своих же. В темноте лучники не разбирали, где свой, где чужак.

Когда Цинь Ху доложил ей эти два имени, тон его был ровным:

— Двое. Меньше, чем ты думала, верно?

Лу Синвань ничего не ответила.

Она присела на корточки у основания городской стены, глядя, как тела Чжоу Да и Сунь Сяолю, завернутые в циновки, выносят за город. Никаких гробов. Никаких похорон. Завернули в циновки, выкопали яму и закопали.

Это были смерти, вызванные принятым ею решением.

Пусть погибло меньше, чем ожидалось. Пусть без её решения жертв могло быть еще больше. Но...

Двое. Два человека с именами.

Она занесла этот факт в свою память, словно файл с данными. Теперь при каждом новом решении эта запись будет всплывать и напоминать о себе.

Цинь Ху некоторое время стоял рядом, наблюдая, как она сидит на корточках, не двигаясь, а затем бросил:

— Не сиди долго. Мертвые уже мертвы. Живые еще ждут тебя.

После чего удалился.

* * *

Су Цзиньшу появилась в пору обеда.

То, что называлось обедом, на деле представляло собой пиалу жидкой каши и пару лепешек из диких травоцветов. Су Цзиньшу принесла две пиалы и нашла её в боковой комнате.

— Поешь немного.

Лу Синвань взяла пиалу, но есть не стала.

Су Цзиньшу села напротив. Сегодня её выражение лица было чуть мягче, чем вчера — но самую капельку. Она всегда оставалась человеком, способным идеально контролировать свои эмоции.

— Я хочу кое о чем поговорить с тобой, — произнесла Су Цзиньшу. — Официально.

— Говори.

— Мне нужен партнер.

Тон Су Цзиньшу напоминал деловые переговоры.

— У тебя есть мозги, у меня — связи. Тебе нужно закрепиться в городе, а мне нужен тот, кто поможет удержать семью Су.

Лу Синвань посмотрела на неё:

— С чего ты взяла, что я смогу тебе помочь?

Су Цзиньшу на секунду задумалась.

— Из-за того, как ты вчера стояла на городской стене. Похоже было... будто ты работаешь сверхурочно.

Лу Синвань остолбенела.

Это сравнение было настолько точным, что она заподозрила: а не попаданка ли часом и Су Цзиньшу?

Она описала состояние, которого здесь никто никогда не видел.

Сверхурочная работа. Состояние, когда все мысли сосредоточены на одной цели, забываешь о страхе и усталости.

Су Цзиньшу заметила это.

— Ладно.

Лу Синвань поднесла пиалу к губам и сделала глоток каши.

— Мы будем сотрудничать. Но сразу оговорюсь: я помогаю не твоей семье Су. Я помогаю выжить этому городу. Если у тебя та же цель — мы партнеры. Если нет...

— Да, — ответила Су Цзиньшу. Быстро, без колебаний.

Лу Синвань кивнула.

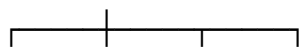
Во второй половине дня она велела позвать и Цинь Ху. Четверо уселись в боковой комнате дома Су — Лу Синвань, Су Цзиньшу, Цинь Ху и Чэнь Анюй.

Лу Синвань набросила на полу схему.

Прямоугольник с надписью «Префектура Гуйдэ». От прямоугольника отходили четыре линии к четырем маленьким квадратикам:

...

Префектура Гуйдэ

Цинь Ху Су Цзиньшу Синвань Чэнь Анюй

Военное дело Внутренние дела Стратегия Разведка

Связи Снабжение

...

— Распределение обязанностей, — объявила она. — Дядя Цинь заведует военными делами. Цзиньшу ведаёт внутренней политикой и внешними связями. Я отвечаю за общее планирование и распределение ресурсов. Анюй отвечает за разведку — обо всем, что творится в городе и за его пределами, докладывай мне первым.

Цинь Ху воззрился на этот чертеж.

— Ты опять рисуешь клеточки.

— Когда клеточки начерчены, воевать не так страшно.

Цинь Ху фыркнул, но спорить не стал.

Су Цзиньшу слегка улыбнулась.

Лу Синвань впервые увидела её улыбку. Едва заметную, словно рябь на воде, которая тут же исчезла. Но она действительно улыбнулась.

Чэнь Анюй поскреб в затылке:

— Сестрица, тут такое дело... У меня в городе есть браток, он побирушка, так новости узнает быстрее всех. Можно ему тоже подключиться?

— Можно, — разрешила Лу Синвань. — Создай разведывательную сеть: пусть шныряющие по улицам нищие пацаны докладывают тебе обо всем. Каждому выдавай по полпиалы каши сверх пайка.

Глаза Чэнь Анюя заблестели.

Су Цзиньшу посмотрела на Лу Синвань и неожиданно произнесла:

— Кстати... В предках нашего рода Су числится одна дивная книга. Говорят, ее подарил некий ученый в годы правления Ваньли. К сожалению, позже она затерялась.

Лу Синвань как раз дорисовывала схему и бросила на ходу:

— Что за книга?

— Не знаю. В семейных заветах сказано лишь: «Передай эту книгу тому, кто дождетсЯ ее». Я всегда считала это бредом сумасшедшего.

Лу Синвань не придавала этому значения.

Она и ведать не ведала, сколь весом этот кусок разговора.

Но читателям стоило бы обратить внимание.

* * *

С продовольствием временно полегчало — после первой победы крестьяне из окрестных деревень добровольно привезли немного зерна. Не так много, но на полмесяца хватит.

Однако Лу Синвань не расслаблялась. Она знала, что полумесячный запас — это капля в море. Ей требовалось досконально проверить истинное положение дел: сколько же зерна на самом деле в государственных зернохранилищах префектуры Гуйдэ, надолго ли его хватит и не греет ли кто руки на этом деле.

Она принялась за ревизию амбаров.

Первые три дня прошли гладко. Су Цзиньшу помогла достать приходно-расходные книги государственного зернохранилища префектуры Гуйдэ: по бумагам на складах числилось три тысячи ши зерна, поступления и выдачи фиксировались ежемесячно, цифры сходились.

Но Лу Синвань не ограничивалась одними бумагами.

Она велела людям Чэнь Анюя засесть у зернохранилищ и пересчитывать телеги, въезжающие и выезжающие с территории каждый день. Через три дня данные были готовы: на склады в среднем заезжало по две телеги в день, а вывозилось по четыре.

Вывоз превышал ввоз.

Причем вывозили со двора не через парадные ворота — через задние.

Она сопоставила эти цифры с отчетами: по бумагам в текущем месяце со складов отпустили всего сто двадцать ши, но судя по грузоподъемности телег, реальный объем вывоза составлял не меньше двухсот ши.

Недоставало восьмидесяти ши.

Восемьдесят ши зерна испарились в никуда.

Дело было не в приписках. Кто-то воровал.

* * *

На четвертый день пожаловал помощник префекта Се Тунчжи.

На нем было поношенное синее чиновничье платье, в руке он покачивал складной веер — на дворе стоял третий месяц, веер был совершенно ни к чему, но это являлось частью имиджа. С лучезарной улыбкой он вошел в зернохранилище и, увидев сидящую на корточках над амбарными книгами Лу Синвань, улыбнулся еще шире.

— Доброго дня девушке Лу, нелегкая у вас служба.

Лу Синвань подняла голову.

Се Тунчжи перевалил за четвертый десяток, лицо белое, борода длинная, глаза узкие, при улыбке их почти не было видно. Но Лу Синвань заметила одну деталь: глаза его улыбались, а взгляд — нет.

— Слышал, вы проводите ревизию зернохранилищ?

Се Тунчжи присел на корточки, поравнявшись с ней лицом к лицу.

— Благое дело. Префектуре Гуйдэ давно требовался тот, кто наведет порядок в счетах.

— Господин Се тоже так считает?

— Разумеется, — он усмехнулся. — Только... девушка Лу — человек приезжий, многих местных нюансов вы можете не знать. Делами префектуры Гуйдэ должны заниматься люди из Гуйдэ. Помощь — дело похвальное, но не стоит так утруждаться.

Тон был безупречно вежливым.

Но смысл понятен предельно ясно: не суй нос не в свои дела.

Лу Синвань посмотрела на него.

Это был первый противник нового типа на ее пути попаданки — не разбойники, не уличные хулиганы, а человек из бюрократического аппарата. Он не машет мечом, но за ним стоят чин, связи и свод правил. Перед лицом такого человека твой анализ данных бессилён — потому что он может просто отказаться играть по правилам цифр. Он вправе раздавить тебя властью в два счета.

Она впервые ощутила всю тяжесть словосочетания «политическое давление».

— Господин Се прав, — улыбнулась она. — Я просто помогаю заглянуть в бумаги. Закончу — и

уйду.

Се Тунчжи остался доволен и удалился.

* * *

Лу Синвань никуда не ушла.

Она велела Чэнь Анюю добавить еще один дозор, отрядив людей следить исключительно за задними воротами зернохранилища.

Прошло еще три дня. Чэнь Анюй прибежал с докладом, понизив голос и сияя от возбуждения:

— Сестрица, выследили! Каждые три дня среди ночи к задним воротам зернохранилища приходят люди за зерном. Одеты в слургические костюмы прислуги из усадьбы Се Тунчжи. И уходят в том же направлении — к усадьбе Се Тунчжи.

— Сколько?

— Около двадцати ши за раз. Шесть раз в месяц. Сто двадцать ши.

Сто двадцать ши. Хватит на месяц кормежки для шестидесяти человек.

Се Тунчжи содержит частную армию? Или спекулирует зерном?

Лу Синвань не стала действовать сгоряча.

Она потратила еще три года... то есть еще три дня на то, чтобы заново пересчитать все приходы и расходы за последние полгода. Каждую строчку, каждую цифру, каждую дату. На куске белой ткани она углем набросила график: по горизонтали — время, по вертикали — количество зерна. Линия поступлений, линия выдачи, бумажная линия, реальная линия.

Четыре линии.

Бумажные приход и расход шли ровно — выглядело все безупречно.

А вот реальные приход и расход... линия выдачи уходила далеко вверх по сравнению с бумажной.

Разница между этими двумя линиями и была украденным зерном.

Полгода. В общей сложности семьсот двадцать ши.

* * *

На седьмой день состоялось собрание городских старейшин.

Ежемесячное плановое заседание. Наверху восседал префект, по обе стороны разместились представители местной знати и влиятельные лица города. Се Тунчжи сидел по левую руку от префекта, обмахиваясь веером с безмятежным видом.

Лу Синвань стояла в центре зала.

В руках у нее не было амбарных книг. Она держала тот кусок белой ткани с начерченным на нем графиком.

Она развернула полотно и закрепила его на стене.

— Прошу всех взглянуть, — голос ее звучал негромко, но отчетливо. — Это отчеты по приходу и расходу государственного зернохранилища префектуры Гуйдэ за последние полгода. Синяя линия — данные из бухгалтерских книг, красная линия — данные моей реальной проверки.

Она указала на зазор между двумя линиями.

— За полгода семьсот двадцать ши зерна утекло из государственных амбаров в частную усадьбу господина Се.

В зале воцарилась тишина.

Все взоры устремились на Се Тунчжи.

Веер в руке Се Тунчжи замер.

На его лице все еще блуждала улыбка, но она уже окаменела.

— Господин Се, — Лу Синвань смотрела прямо на него. — Это ваши личные закупки? Или... вы соизволите дать объяснения всему городу?

Се Тунчжи ответил не сразу.

Он долго разглядывал Лу Синвань. В этом взгляде не было ни гнева, ни паники. То была

переоценка. Словно он заново выставял ценник сопернику.

Затем он усмехнулся.

— Похвально, девушка Лу.

Он поднялся, одернул одежды, развернулся и вышел.

Никаких оправданий. Никаких препирательств. Даже злости напоказ.

Он просто ушел.

Присутствовавшие в зале переглядывались. Лицо префекта помрачнело, но он хранил молчание. Несколько нобилей потупились, делая вид, что изучают собственные туфли.

Цинь Ху ждал Лу Синвань у выхода из зала заседаний.

Бросил негромко:

— Ты нажила себе врага, с которым лучше не связываться.

Лу Синвань свернула кусок ткани.

— Знаю, — ответила она. — Но если не трогать его, с голоду умрет весь город.

Цинь Ху бросил на нее взгляд и больше ничего не сказал.

Когда они выходили из управы, к ним подбежал Чэнь Анюй с помрачневшим лицом:

— Сестрица, этот Се Тунчжи, вернувшись в усадьбу, позвал слугу и отпустил его на улицы. Тот направился на юг.

— Что там на юге?

— Не знаю. Но этот слуга шел шибко споро.

Лу Синвань нахмурилась.

Кому он несет весть?

Она не знала. Но у нее возникло предчувствие — этот Се Тунчжи куда сложнее, чем ей казалось.

Ответный удар последовал быстрее, чем она предполагала.

На следующее утро по городу поползли слухи: «Эта приезжая баба — лазутчик мятежников. Она вывела из строя городскую оборону, чтобы сдать нас бандитам. В прошлый раз разбойников под стены привела именно она».

Когда Лу Синвань шла по улице, кто-то плюнул в ее сторону.

Она не стала уворачиваться. Плевок угодил ей в плечо, она смахнула его рукой и продолжила путь.

Чэнь Анюй разъярился так, что хотел броситься в драку, но она схватила его за рукав:

— Не надо. Чем сильнее машешь кулаками, тем больше подтверждаешь их ложь.

Слухи распространялись со скоростью пожара. В конце династии Мин скорость передачи информации зависела от масштаба страха — чем сильнее люди боялись, тем быстрее неслись сплетни. А жители Гуйдэ и так страдали от ужаса.

К полудню струсили даже подручные Чэнь Анюя.

Какой-то мальчишка лет двенадцати вцепился в рукав Чэнь Анюя, со слезами на глазах причитая:

— Брат Анюй, может, уйдем отсюда? В этом городе больше нельзя оставаться...

Чэнь Анюй посмотрел на Лу Синвань.

Лу Синвань понимала: если она уйдет сейчас, префектуре Гуйдэ конец. И дело даже не в бунтовщиках, а в разложении изнутри. Расколотый город опаснее пустого.

Но прямо сейчас у нее не было выхода.

Против такого соперника, как Се Тунчжи, анализ данных не работал. Проблема с ним заключалась не в цифрах, а в политике. А политика — не ее конек.

Она сидела в боковой комнате, тупо уставившись в стену.

И тут раздался стук в дверь.

* * *

Стук в дверь подал человек, которого она прежде не видела.

Молодой, лет двадцати пяти-шести, одетый неряшливо, волосы растрепаны птичьим гнездом. На спине висел старый аптекарский ящичок, краска на нем облупилась почти полностью, обнажая почерневшее дерево.

Его первыми словами с порога были:

— Раненые у вас есть?

— ...Есть, — ответила Лу Синвань. — Ты кто?

— Чэн Яньцю. Странствующий лекарь.

Он окинул взглядом комнату и брезгливо сморщил нос.

— У вас тут хламидников больше, чем в моем сундуке с лекарствами. Где раненые?

Су Цзиньшу упоминала о нем ранее: «Странствующий лекарь, слегка непутевый, но руки золотые».

Лу Синвань отвела его туда, где разместили пострадавших. У двоих из семи раненых началось нагноение ран, поднялся жар. Чэн Яньцю опустил ящичек, вымыл руки и приступил к осмотру. Движения его были легкими, но точными — раны промыты на совесть, швы наложены аккуратно и ровно.

— Неправильно вы их обрабатываете, — приговаривал он за работой. — Чем вы их протирали, крепким вином? Не годится. Крепости вина мало. Надо промывать кипяченой водой, да и тряпки кипятить. Меня так учитель учил...

Сердечко Лу Синвань екнуло.

— Кипятить для дезинфекции?

— Угу, — Чэн Яньцю даже не поднял головы. — Учитель говорил, что в человеке живут невидимые «мелкие твари», и оттого раны гниют, что эти твари их жрут. А кипяченая вода убивает этих тварей.

Невидимые «мелкие твари».

Бактерии.

Учитель этого странствующего лекаря — кем бы он ни был — чисто на опыте, не имея никаких современных приборов, дошел до существования бактерий.

Закончив перевязку последнего раненого, Чэн Яньцю поднялся и потянулся.

— Крепость вы держите неплохо, — обронил он. — Только вот я тут кое-что слышал... Говорят, какая-то заезжая девица перешла дорогу Се Тунчжи?

— Это я.

Чэн Яньцю бросил на нее взгляд. Во взгляде том не было ни сочувствия, ни праздного любопытства. То была оценка в духе: «Видывал я всяких, ты какого поля ягода?»

И тут он произнес фразу, заставившую Лу Синвань встрепнуться.

— Я как-то ходил в усадьбу этого Се Тунчжи лечить их слуг. Знаешь, что у них там за усадьбой растет?

Лу Синвань покачала головой.

— Мак.

* * *

Мак.

В конце эпохи Мин мак не был под запретом — опиум имел вполне законное медицинское применение. Но если производить кустарным способом опиум на продажу в огромных объемах — это тягчайшее преступление. В десять раз серьезнее коррупции с зерном.

Лу Синвань велела Чэнь Анюю всё перепроверить.

Тем же вечером Чэнь Аней принес весть: подтвердилось. В дальнем саду усадьбы Се Тунчжи высажены огромные площади мака, к тому же там обустроена небольшая мастерская по варке опиумной мастики. Объемы немалые — по меньшей мере снабжают три соседних уезда вокруг префектуры Гуйдэ.

Вооружившись этой информацией, Лу Синвань не стала устраивать публичное разоблачение.

Она поступила куда жестче — заявила напрямик в усадьбу Се Тунчжи.

Се Тунчжи сидел в кабинете. Увидев входящую Лу Синвань, он изобразил на лице целую гамму чувств: сначала изумление, затем настороженность и, наконец, то самое выражение испытующего дознания «и чего тебе надобно?».

Лу Синвань положила перед ним лист бумаги.

На бумаге был сделан простой набросок — цветок мака. Рядом стояли несколько цифр: площадь посадок, расположение мастерской, ежемесячный объем производства, каналы сбыта.

Лицо Се Тунчжи переменилось.

— Историю с зерном я могу не расследовать дальше...

<http://bllate.org/book/21208/2146539>